amount as scientific—theoretical and philosophical works are devoted to the study of the problem of perspective construction of the state. Now in the twenty—first century the search of an ideal model of social regime are continuing.

Each historical image of the famous Ukrainian philosopher Peter Saukh contains encyclopedic knowledge of past ages, experience of practical activity in the field of national state formation in Ukraine, as well as consideration about the fate of Ukraina people and the need to organize a new model of its cultural and political life. The author offers own vision of the prospects of Ukrainian history—the model of ethno-cultural community, the model of political community and the state-public model.

Keywords: image, philosophy, Peter Saukh, national existence, state formation, Ukraine.

* * *

УДК 930.1 (Поршнев): 213

Титов С.,

аспирант кафедры религиоведения, Киевский национальный университет им. Шевченко (Украина, Kueв), sergeyntitov@gmail.com

Анализ отдельных положений работы Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» в свете современных открытий. Антрополого—религиоведческий аспект

Идея начала человеческой истории, антропогенеза, является ключевой в современной антропологии. Вышедшая в свет в 1974 году работа Б. Ф. Поринева «О начале человеческой истории» является одной из первых междисциплинарных работ в сфере поиска истоков образования человечества. Данная работа Поринева неоднозначно воспринималась и воспринимается в научном сообществе. От момента выхода в свет до сегодняшнего дня работу отделяет около полувека. И анализ подобной работы может выявить многие изменения, сделанные в сфере антропологии, а также проанализировать состоятельность авторских гипотез, исходя из нынеинего положения науки. Исследованием творческого наследия Б. Поринева занимались О. Вите, Е. Волков, Т. Кондратьева, В. Рыжковский. Особое внимание анализу идей работы Поринева «О начале человеческой истории» уделено в работах О. Витте. Однако религиоведческих аспектов творчества Поринева он не касался.

Ключевые слова: Б. Ф. Поршнев, антрополого-религиоведческий аспект, междисциплинарные работы.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Объект исследования: работа Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории».

Предметом исследования: отдельные положения работы Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории», касающиеся религиозных представлений архаического человека, а также система периодизации архаической истории, предложенная автором.

Цель исследования: определить ценность материала, изложенного в книге Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» в свете современных открытий, а также по возможности, изложить свои основания для критики устаревших положений или не подтвердившихся гипотез.

В основу метода исследования взят анализ идей самого Б. Ф. Поршнева, касающихся основных фундаментальных причин антропогенеза, а также механизмов поиска структурных поведенческих моделей, заложивших базовые основы поведения человека в его истории. Кроме того в статье использован историко—биографический метод, который заключается в реконструкции результатов творчества Б. Поршнева, ограниченных рамками его известной монографии.

Работа Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)», увидевшая

свет в 1974 году, уже после смерти автора, посвящена одному из основных вопросов антропологии, а именно антропогенезу. «Автор привержен правилу: «Если ты хочешь понять что–либо, узнай, как оно возникло» [5, с. 20] пишет Б. Ф. Поршнев в первой главе книги, объясняя её основной мотив.

Данный труд является одной из первых в русскоязычной традиции попыткой междисциплинарного исследования данного вопроса и имел большой резонанс в научном сообществе. Заявленное изложение новой научной дисциплины, а именно палеопсихологии, является наложением разных сфер биологии и гуманитарных сфер знания, таких как социология, психология, антропология и философия. Борис Федорович Поршнев (1905–1972 гг.) являлся доктором философских и исторических наук. В сферу его профессиональных интересов входила история средневековой Европы, а также исследование феномена «снежного человека». Именно последнее во многом и определяет характер последовательности изложения мысли автора, а также некоторые сомнительные моменты данной книги. Более того, именно этот факт его научной карьеры являлся одной из важных причин неприятия данного труда некоторыми представителями научного сообщества того времени.

Определяя основные положения работы Б. Ф. Поршнева, можно выделить следующее:

- 1. Изложение динамики трансформации животного в человека, в аспекте изменений в плане физиологии высшей нервной деятельности, а также психологии, созданное на основе научных данных того времени (как российских так и зарубежных школ):
  - а. Теория второй сигнальной системы И. Павлова;
  - b. Теория доминанты A. Ухтомского;
  - с. Модель развития сознания ребёнка Л. Выготского;
- d. Критика роли объема и массы мозга в процессе антропогенеза:
- е. Идея роли суггестии и торможения в формировании поведенческих табу человека эпохи архаики.
- 2. Анализируя социальный аспект развития человека, Поршнев основывается на идеях, часть из которых была популярна в то время, а другая была развита им самим. К таким идеям можно отнести:
  - f. Идею семантической палеонтологии Н. Я. Марра.
- g. Идею «декартовой пропасти» и утверждение о невозможности постепенного хода развития. На этой идее строится особая антропологическая авторская классификация и определение четкой грани биологического класса «человек», а также критика его размытости в теориях того времени.
- h. Введение дихотомии «мы они», и понятия «троглодит» (хотя само это понятие не является изобретением автора); Поршнев исключает из числа гоминид огромные классы, такие как австралопитеки, архантропы (человек прямоходящий), палеоантропы (неандерталец) и даже кроманьонцев неоантропов позднего палеолита [6, с. 10–21]. В используемой Поршневым классификации достаточно непросто разобраться, поскольку часть терминов не используется в сегодняшней антропологии, а часть автор интерпретирует по—своему. Но важен именно строгий раздел между известными группами гоминид на «мы» и «они».

- і. Декларируя на первых страницах книги своего рода антиномию, которая звучит как: «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического» [5, с. 11], Поршнев объясняет, как легко попасть в ловушку, сосредоточившись на биологическом аспекте, исследуя генезис социализации человека, а также развитие его сознания, в то время игнорировать сферу этого исследования невозможно, в силу того, что истоки социального находятся исключительно в биологическом. Что похоже на осторожную позицию физикализма в современной философии сознания.
- 3. В ключевых положениях анализа эволюции поведенческих особенностей человека (характер его питания, первые орудия и роль огня), примечательно следующее:
- ј. Первый человек не был охотником, а был исключительно падальщиком, разделывающим брошенные хищниками туши, отделяя от костей то, что не смогли обглодать звери, а также извлекая костный и головной мозг, удельный вес которого в туше животного совокупно, по словам автора, составлял до 5-7% от
- к. Для подобного рода работы ему понадобились первые каменные разделочные орудия, которые он легко изготавливал по мере необходимости и без особого сожаления бросал на месте оконченной трапезы.
- 4. В ходе изготовления первых каменных орудий, оббивая первые скребки, человек знакомится со способностью камня высекать искры. Так рождается процесс разведения и приручения огня. Комментируя который, Поршнев отмечает важность навыков его тушения, поддержания и контроля, которые, по мнению автора, имели большее значение в антропогенезе, нежели просто само разведение огня.
- 5. Область своего исследования Поршнев назвал «палеопсихологией», полагая тем самым рождение новой дисциплины.

заглавии Обозначенное В книги «начало» определяется в труде важной локализацией понятия «человек» и выделением человека из общей группы приматов, проводя четкие биологические и исторические границы данного термина. Этот подход, бесспорно, заслуживает внимания и уважения, однако не может не остаться без критики со стороны антропологов (С. Дробышевский, Р. Докинз, А.Марков), где любая фиксация, будь то физиологическая или поведенческая, рассматривается в динамике эволюционного развития и только. Однако подобная локализация облегчает задачу исследования и во многом, по словам самого Поршнева выстроена на картезианском разрыве, где мы вынуждены, следуя за Декартом, четко разделять сферу физического, в данном случае биологического, и разума. «Сегодняшняя буржуазная наука об антропогенезе – соединение эволюционизма с картезианством. Но оно невозможно, и картезианство, раз проникнув в дом, понемногу заполняет его снизу доверху» [5, с. 88]. Комментируя в этой цитате определение «буржуазная», следует заметить, что книга создавалась и печаталась в условиях доминирования марксистской парадигмы. И тем не менее, раз существует подобный разрыв, то грани этого разрыва, так или иначе, должны существовать и их можно определить путем научного исследования. Что и делает автор, вводя особую биологическую группу: троглодит, представители которой не являются ни обезьянами, ни людьми.

Для определения поля понятия «человек», автор прибегает к приему противопоставления «мы - они». Поскольку сам объект исследования включает себя также и субъекта исследования, то в этом заключается и определенная трудность для самого исследователя оставаться объективным, поскольку само понятие «человек» уже изначально имеет определенные культурные и религиозные коннотации, с рамками которых необходимо считаться.

Критикуя размытость антропологической классификации, и понятие постепенного становления человека, автор объясняет, что основные изменения, такие как прямохождение не носят постепенного характера, а происходили сразу. Положение тела может быть либо вертикальное, либо на четырех конечностях, в силу своего центрирования, и не может быть промежуточным. Т.е. был определенный морфологический скачок. А если был один скачок, то сам принцип постепенного формирования ставится автором под сомнение. Анализируя введенную Поршневы систематизацию антропологических групп, а именно палеоантропы, неоантропы и троглодит, важно заметить, что она создана достаточно произвольно и если и была валидна в 70-ее годы XX в., то далеко не соответствует той системе классификации, которой пользуется современная антропология.

Идея работы суггестии и механизма торможения и процесса развития второй сигнальной системы, представляется достойной внимания, но лежит в сфере психологии и философии сознания, что выходит за рамки моей компетенции и формата данного исследования.

Комментируя гипотезу формирования систем табу, на базе каннибалистической обрядности, а также форм взаимоотношений и регламентаций хотелось бы задать вопрос: где автор это взял? На основании каких данных были сделаны такие смелые выводы? Если мы говорим об археологических находках XX века в этой сфере, то они, не смотря на своё обилие, обладают очень небольшим фактажом для интерпретации. И современная антропология, имея в арсенале палеогенетику и палеобатанику, анализируя состав зубного камня неандертальца и характер растений того времени, растущих в пределах его обитания, делают очень осторожные выводы касательно характера быта и поведения, где даже малое предположение, как например использование вареных злаков в среднем палеолите, является всего лишь гипотезой, выдвигаемой и критикуемой. Несмотря на то, что объясняется она хорошо проработанной и проанализированной находкой, подтвержденной палео-генетическим анализом.

В работах современных антропологов (Р. Докинза, А. Маркова, С. Дробышевского) антропогенез рассматривается как непрерывный процесс, корнями уходящий в далекое прошлое, и мысленно уходящий в будущее, где ожидаются многие изменения, в том числе и морфологические, как например изменение формы ступни, которая, по мнению С. Дробышевского, будучи древесной и хватательной в прошлом, не соответствует характеру ее использования в настоящем и при такой форме передвижения предполагает в дальнейшем более совершенную форму с меньшей площадью контакта

с поверхностью и более жесткую, как у копытных животных.

Более того, если следовать за логикой автора книги «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» и полагаться исключительно на факт наличия сознания в биологическом теле, находясь в декартовых «ножницах», то тогда каким образом можно объяснить осознанные захоронения в среднем палеолите у неандертальца? С геоориентацией тела, с похоронной атрибутикой, такой как красная охра, орудия труда и цветочная пыльца. Как можно объяснить селективные санитарные погребения в Сима де лос Уэсос, датируемые более 400 тыс. лет. [7, с. 173–179]. Подобные факты говорят о религиозных представлениях у неандеральца и даже Homo heidelbergensis. И пусть официальное признание религиозности неандертальца в советской науке, сделанное академиком В. П. Алексеевым, датируется 1974 годом, что приходится на период уже после смерти Поршнева, тем не менее исследования находки в пещере Тешик Таш, сделанные академиком Окладниковым были известны уже в конце 30-х годов XX столетья. Поршнев не оставляет без внимания данную находку. Однако, детально описывая в главе №6/V «Рассмотрение одного примера: тешик-ташский палеоантроп и его биотическая среда» [5, с. 382-417] характер питания неандертальца и особенности его охоты на горных козлов, по находкам в пещере Тешик Таш, развивая идею трупоядения, как формирующую особенность антропогенеза, и критикуя идею неандертальца - охотника, автор игнорирует самое главное в этой пещере, - это известное захоронение мальчика, обложенного рогами. Поршнев останавливается на отдельных моментах состояния погребения. в частности комментирует то факт, что кости мальчика были обглоданы гиеной. Описанию поведения данного хищника посвящено большое количество строк работы. Тем не менее, упоминая само захоронение, Поршнев упускает сам факт того, что похоронная обрядность в любой форме является свидетельством религиозных представлений и, как минимум, нового уровня ментальности.

Остается вопросом: почему этот факт автор обощел вниманием в своей работе.

В любом случае, согласится с классификацией, предложенной Поршневым, где человеком может считаться только небольшая группа неоантропов, в которую не попадают люди, расписавшие пещеры Шове и Ляско, невозможно. Более того авторы, создавшие палеолитических «венер», да и вся культура гравета, солютера и ориньяка также не попадают в категорию неоантропов и похоже не удостаиваются титула «люди». Во всяком случае, комментируя «венеру» из Гагарино, Поршнев пишет о неандертальских формах тела у фигурки, не признавая за ней человеческое происхождение. Таким образом, автором отрицается исчезновение неандертальца в верхнем палеолите и автоматически утверждается его сосуществование с тем, что в антропологической литературе принято называть кроманьонцем. Само понятие «кроманьонец» Поршнев также не принимает в общепринятой форме и критикует, объясняя, что многие находки кроманьонца суть не что иное, как разновидность неандертальца.

В этом месте прослеживается развитие непопулярной идеи Поршнева о том, что отдельные представители вида Homo neandertalensis дожили до наших дней и

существуют в виде снежного человека. Данная гипотеза иллюстрируется местами из текстов Ветхого Завета, свидетельствами о встречах с «сатирами» и «фавнами» у Геродота, Плутарха, Помпония Мела, Плиния Старшего [4, с. 410], а также излагается авторская интерпретация зороастрийской клятвы, где инициируемый отрекается от «девов» и любых контактов с ними. Где упоминаемые «девы» никто иные как «палеоантропы», неандертальны.

Разбирая эту идею в свете нынешних положений антропологии, следует заметить следующее. Во-первых, согласно реконструкции внешности неандертальца большого и явно выраженного различия между современным человеком и неандертальцем нет. Бесспорно, детальное антропологическое исследование покажет покатый характер лобной части, выраженные надбровные дуги и крупный нос. Но людей с похожей внешностью и в современном мире предостаточно. По словам С. Дробышевского, окажись неандерталец в современной одежде с аккуратной прической где-нибудь на улице Москвы, никто бы на него не обратил особого внимания. Во-вторых, наоборот, человека современного, представителя вида Homo sapiens sapiens, но с обильным волосяным покровом на теле, одичавшего, издающего странные звуки, также вполне вероятно найти и сегодня где-нибудь в отдаленном районе Азии или даже Европы. А то, что ископаемые находки неандертальца хронологически обрываются на отметке 40 тыс. лет назад, остается на сегодня неоспоримым научным фактом. Вопрос о его исчезновении, в силу его массового уничтожения или его биологического растворения, остается предметом многих современных дискуссий и разных гипотез. Но надежды на то, что неандертальца возможно встретить в современном виде живым, удел исключительно маргинального поля антропологии.

Детальное объяснение работы биоценоза в пелистоцене, описанное Поршенвым, а также механизмы табуирование на убийство кого-либо в экосистеме и наоборот легитимация убийства внутри сообщества (адельфофагия) изложено очень обстоятельно и убедительно. И так, если механизм биоценоза, баланса экосистемы, условно принять за предложенные Поршневым пропорции 1000 единиц биомассы, 100 единиц травоядных на 10 единиц хищников (или около того), то становится понятно, что количество хищников жестко ограничено и появление в системе нового требует борьбы. А шансов на успех в такой борьбе у первых эректусов, с их набором морфологических качеств (зубы, когти, сильные конечности) не было. Гигантские кошачьи того времени легко могли сами убить человека, которому на открытом ландшафте теперь негде было спрятаться. Своим поведением человек не только не мог противостоять большим хищникам, но и не мог провоцировать их на любого вида агрессию, опасаясь даже вызвать простое недовольство своим присутствием. Человек занимает не свободную, но плотно занятую в этом биоценозе нишу падальщика, где он может, с одной стороны, противостоять менее сильным хищникам (гиены), с другой стороны, с помощью острых камней добраться до костного мозга в твердых трубчатых костях. Отголоски этой осторожности можно увидеть в верованиях некоторых современных народностей. Так, например, в фильме А. Куросавы «Дерсу Узала»,

основанного на романе этнографа В. Арсеньева, старый охотник гольд, по неосторожности пристрелив тигра в тайге, тяжело переживает этот факт и не спит ночами, ожидая беды. А в картине М. Гибсина «Апокалипто», индейцы майя, убившие ягуара, молитвенно просят прощение у бога леса, за убийство «его сына» и говорят о грядущем наказании. Механизм традиции, связанный с охотой на медведя у северных народов несколько иной и отличается от этих случаев тем, что эти два хищника убиты не для пропитания.

Соотнеся эти модели поведения с концепцией Поршнева, можно согласиться, что их структурные, базовые конструкты были, вполне возможно, заложены в начале нижнего палеолита. И далее, если признать валидным подобный механизм поведения по отношению ко внешней среде обитания, то и описываемая Поршневым адельфофагия, как система внутренней регуляции сообщества вполне оправдана. А в сочетании с материнской привязанностью, с эротическими чувствами и другими формами любви и эмпатии, она, развиваясь во времени, могла породить сложную обрядность жертвоприношений.

Вывод. Характер данной статьи не предполагает глубокого и всестороннего анализа книги Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории». Данная книга является огромным трудом, где каждая глава может быть развита до многотомной монографии. Отдельные главы работы, такие как анализ суггестии и торможения далеко выходят за рамки моей компетенции и сферы исследования. Данная работа Б. Ф. Поршенва является междисциплинарной, с использованием знаний многих научных областей. Уместно заметить, что сам Поршнев помимо философского и исторического образования имел также университетское биологическое, по которому не получил официального диплома, о чем всегда жалел. В своей работе Поршнев изложил и организовал огромные сферы знания в данной области, дав им новое философское осмысление. Поиск первооснов антропогенеза методологически выполнен блестяще. Обвинения Поршнева в отсутствии фактологической базы и умозрительности его теоретических изложений, выдвинутыми многими представителями советской науки, в частности П. Куценковым, бесспорно являются основательными. Но часто, именно посредством такого подхода наука приходит к новым открытиям. Как всякая большая и важная работа, данная книга притягивает к себе колоссальное количество критических замечаний. Надо сказать, довольно небезосновательных. Говоря о роли книги Б. Ф. Поршенва в современной антропологии, могу отметить, что ссылок в списках указателя литературы у многих русскоязычных антропологов на нее нет. В частности антрополог С. Дробышевский, биолог А. Марков, палеонтолог Л. Вишняцкий в своих работах на нее не ссылаются и в списке литературы не помещают. Тем не менее, роль данного труда в истории русскоязычной антропологии была и остается важной. Первое, что хочется отметить, это методология данного исследования. Посредством анализа психики, поведения, характера питания, географических ареалов и многого другого, автор выводит свою, достаточно устойчивую концепцию антропогенеза. И многие положения в этой концепции остались неизменными до сегодняшних дней. Одно из таких положений это концепция «человекападальщика», как изначальной формы питания, образующей изначальное социальное пространства первого человека. Только сегодня, недавние находки в Канжере Южной позволяют говорить и первом человеке, как «человеке-охотнике» [3, с. 102], в данном случае на небольших антилоп. Однако подобная находка пока иллюстрирует скорее исключение, нежели правило.

Данная статья анализируют лишь некоторые положения работы Б. Ф. Поршнева, имеющие отношение к моему диссертационному исследованию, а именно генезису и происхождению религиозных верований представлений. Декларируя наличие оных, мы автоматически полагаем их носитель именуется исключительно как «человек», что далеко не коррелирует с поршневским подходом. Классификация, предлагаемая Поршневым, исключает из человеческой истории огромные антропологические группы. И с этим фактом согласится невозможно. Более того, изложение Поршневым истории ветви неандертальца также не соответствует современным научным представлениям о нем.

Список использованных источников

- 1. Алексеев В. П. Возникновение человека и общества // Первобытное общество. Основные проблемы развития. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»,
- 2. Вите Олег «Я счастливый человек». Книга «О начале человеческой истории» и ее место в творческой биографии Б. Ф. Поршнева» // Развитие личности. – М.: MPГУ, 2007. – №4. – C.172-205
- 3. Дробышевский С. Достающее звено. Книга первая: Обезьяны и все-все-все. - М.: ACT: CORPUS, 2017. - 672 с.
- 4. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Науч. ред. О. Т. Вите. - СПб.: Алетейя, 2007. -720 с. - (Мир культуры).
- 5. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии) / Под ред. Б. А. Диденко. - М.: ФЭРИ-В, 2006.
- 6. Рогинский Я. Я. О разногласиях в теории антропогенеза // Вопросы антропологии. – 1980. – Вып.66. – С.10-21.
- 7. Титов С. Религиозность неандертальца: аргументы за и против // Науковий вісник Гілея. - Київ, 2018. - Вип.131 (№4). -C.173-179.

References

- 1. Alekseev V. P. Vozniknovenie cheloveka i obshhestva // Pervobytnoe obshhestvo. Osnovnye problemy razvitija. - M.: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1974. – S.5–48.
- 2. Vite Oleg «Ja schastlivyj chelovek». Kniga «O nachale chelovecheskoj istorii» i ee mesto v tvorcheskoj biografii B. F. Porshneva» // Razvitie lichnosti. – M.: MRGU, 2007. – №4. – S.172–205
- 3. Drobyshevskij S. Dostajushhee zveno. Kniga pervaja: Obez'jany i vse-vse-vse. - M.: AST: CORPUS, 2017. - 672 s
- 4. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii) / Nauch. red. O. T. Vite. - SPb.: Aletejja, 2007. - 720 s.
- 5. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoj istorii. (Problemy paleopsihologii) / Pod red. B. A. Didenko. - M.: FJeRI-V, 2006. - 640 s.
- 6. Roginskij Ja. Ja. O raznoglasijah v teorii antropogeneza // Voprosy antropologii. – 1980. – Vyp.66. – S.10–21.
- 7. Titov S. Religioznost' neandertal'ca: argumenty za i protiv // Naukovyj visnyk Gileja. – Kyi'v, 2018. – Vyp.131 (№4). – S.173–179.

Titov S., postgraduate student of the Department of Religious Studies, Kyiv National University Shevchenko (Ukraine, Kyiv), sergeyntitov@gmail.com

Analysis of certain provisions of the work of B. F. Porshnev «On the beginning of human history» in the light of modern discoveries. Anthropological and religious aspect

The idea of the beginning of human history, anthropogenesis, is key in modern anthropology. Published in 1974, the work of BF Porshnev «On the beginning of human history» is one of the first interdisciplinary works in the search for the origins of human education. This work Porshnev was ambiguously perceived and perceived in the scientific community. From the moment of publication until today, the work is separated for about half a century. And the analysis of such work can reveal many changes made in the field of anthropology, as well as analyze the consistency of the author's hypotheses, based on the current state of science. B. Vorshnev studied the creative heritage of O. Vite, E. Volkov, T. Kondratieva, V. Ryzhkovsky. Particular attention to the analysis of the ideas of Porshnev's work &On the beginning of human history» is given in the works of O. Witte. However, he did not deal with the religious aspects of Porshnev's creative work.

Keywords: B. F. Porshnev, anthropological and religious studies, interdisciplinary work.

Титов С., аспірант кафедри релігієзнавства, Київський національний університет ім. Шевченко (Україна, Київ), sergeyntitov@gmail.com

Аналіз окремих положень роботи Б. Ф. Поршнева «Про початок людської історії» в світлі сучасних відкриттів. Антрополого-релігієзнавчий аспект

Поея початку людської історії, антропогенезу, є ключовою в сучасній антропології. Що вийшла в світ у 1974 році робота Б. Ф. Поршнева «Про початок людської історії» є однією з перших міждисциплінарних робіт в сфері пошуку витоків освіти людства. Дана робота Поршнева неоднозначно сприймалася і сприймається в науковому співтоваристві. Від моменту виходу в світ до сьогоднішнього дня роботу відокремлює близько півстоліття. І аналіз подібної роботи можев вившти багато змін, зроблені в сфері антропології, а також проаналізувати спроможність авторських гіпотез, виходячи з нинішнього стану науки. Дослідженням творчої спадщини Б. Поршнева займалися О. Віті, Е. Волков, Т. Кондратьєва, В. Рижківська. Особливу увагу аналізу ідей роботи Поршнева «Про початок пюдської історії» приділено в роботах О. Вітте. Однак релігієзнавчих аспектів творчості Поршнева він не торкався.

Ключові слова: Б. Ф. Поршнєв, антрополого-релігієзнавчий аспект, міждисциплінарні роботи.

* * *

УДК 291.13:004.738.5

Добродум О.В.,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Киевский национальный университет культуры и искусств (Украина, Киев), dobrodum.olga@gmail.com

Мифологический характер виртуальной реальности (некоторые методологические аспекты)

В настоящее время в онлайновом пространстве формируется мифология и теология Интернета, в общепринятый дискурс входят понятия медиафилософия, религия трансчеловечества, эзотерика иммортализма, мировоззрение эпохи Водолея, технократический вектор NewAge и т.п. Развивающееся междисциплинарное научное направление GameStudies как феномен науки и техники актуализируется, в том числе, как манифестация виртуальной реальности. В последние десятилетия новейшие информационные технологии проникли во все сферы жизни общества, глубоко вплелись в саму ткань повседневности, в то же время контекст бытия продолжает содержать довольно общирную долю мифологических компонентов. Задача данной статьи — концептуализация мифологического характера виртуальной реальности, среди методов исследования: экспертного анализа и историко-компаративистский. WWW предстает как один из мифов современности, которому приписываются позитивные и негативные сотериологические свойства.

Ключевые слова: Интернет, мифология, киберпространство, тео-логос, high-tech, религия.

(стаття друкується мовою оригіналу)

В настоящее время в онлайновом пространстве формируется мифология и теология Интернета, в общепринятый дискурс входят понятия медиа-философия, религия трансчеловечества, эзотерика иммортализма,

мировоззрение эпохи Водолея, технократический вектор NewAge и т.п. Развивающееся междисциплинарное научное направление GameStudies как феномен науки и техники актуализируется, в том числе, как манифестация виртуальной реальности (ВР). В последние десятилетия новейшие информационные технологии (ІТ) проникли во все сферы жизни общества, глубоко вплелись в саму ткань повседневности, в то же время контекст бытия продолжает содержать довольно обширную долю мифологических компонентов [1]. Более того, Всемирная сеть предстает как один из мифов современности, которому приписываются позитивные и негативные сотериологические свойства [2].

Характерно применение к развитию WWW идей философского характера: утопии, Глобального Града, органопроекции; Глобальную паутину ноосферы, сравнивают с «Коллективным Разумом», «Коллективной Памятью» (Н. Н. Моисеев), «Супермозгом», он предстает как «нейронная сеть биологического мозга» (К. Майнцер), «электронная нервная система» (М. Маклюэн, Б. Гейтс). По мнению Э. Шмидта и М. Эпштейна, информационнокоммуникационная среда Интернет по своей природе служит метафорическим отражением идеи Единства, потому что любая информация, включая аудиовизуальную, может быть выражена в двоичном коде через единицу или же ее отсутствие, ноль: цифры «один» оказывается достаточно, чтобы запечатлеть все многообразие Вселенной, ноль символизирует отсутствие Абсолюта.

Киберпространство стало новым всеединства человечества; по Э. Шмидта, такое представление о Сети очень близко теологической концепции В. Соловьева, мечтавшего о достижении всеединства человечества в рамках одной всеобъемлющей церкви. Воспринимая Интернет как религию, М. Эпштейн предложил термин «электронная соборность», которая якобы реально осуществляется космосе Интернет посредством коллективных действий многочисленных пользователей. называют Национальной (Глобальной, Галактической) Информационной Инфраструктурой, Новыми объединенными сетями IT, «информационным универсумом», «Всемирной информационной системой» (А. Д. Сахаров), «искусственной информационной структурой» (Р. Ф. Абдеев), «галактикой Интернет» (М. Кастельс). Среди метафор Интернета можно встретить: «интерфейс», «Зареалье», «естественная интерфейсная система», институциональная матрица мира, Интернет-экосистема, вторая и третья природа, «Линза», через которую мы смотрим на мир, «всемирный суперкомпьютер», Семантическая Сеть или Семантический Веб [3].

У истоков рождения культуры стоит мифологическая эпоха, и культура вновь возвращается к мифу в фазе своего заката — такое возвращение культуры в лоно породившего ее мифа О. Шпенглер назвал «второй религиозностью». Одной из отличительных черт «второй религиозности» являются универсалистские тенденции синтеза и тяготение к своеобразной синтетической сакральности, причем этот синтез осуществляется на фоне обращения к мистицизму и на почве мистицизма. Б. Г. Соколов соотносит идею рая и новую ВР киберпространства. Созданная ВР Интернета во многом представляет из себя своеобразную материализацию желания, материализацию мечты — как сфера реализации желания и мечты, WWW напоминает